

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

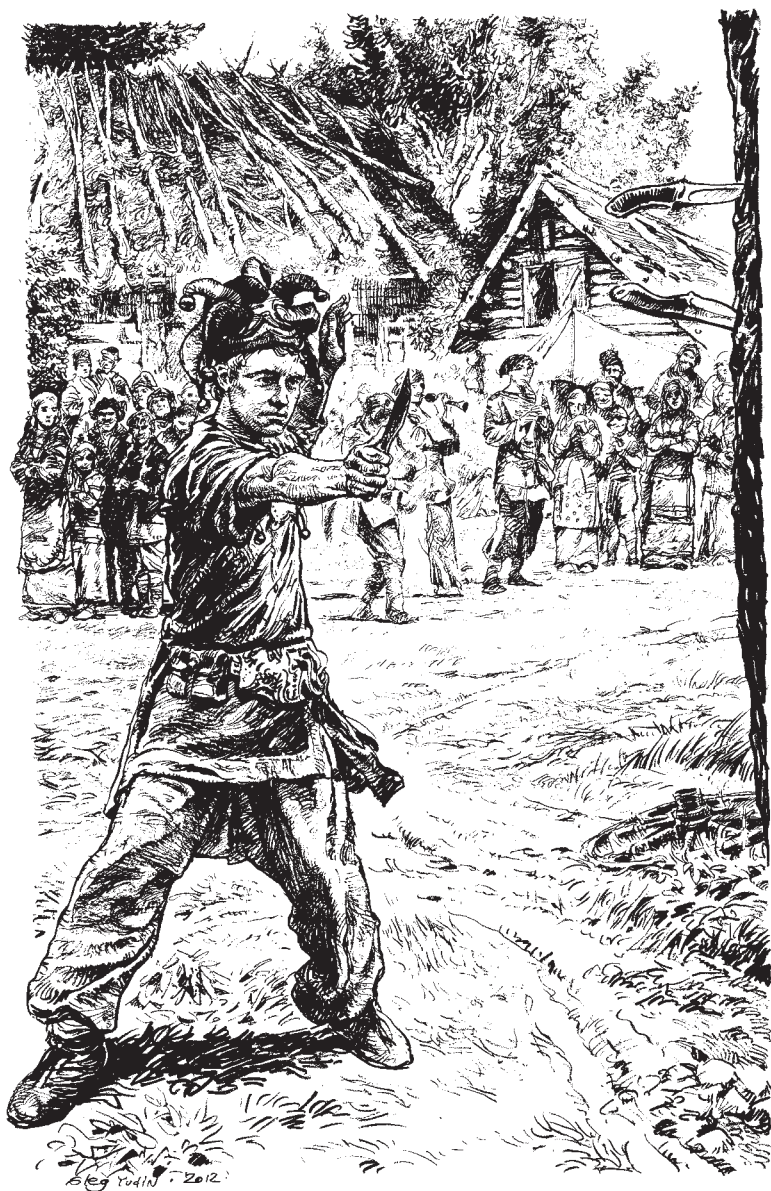
РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

Greg Rubin - 2012

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ВЕПРЬ.
СКОМОРОХ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 789

Художник
О. Юдин

Калбазов К. Г.
К17 Вепрь. Скоморох: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 312 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1271-6

Виктор Волков, ни плохой, ни хороший, обычный в общем-то парень, со своеобразным характером, живущий по простому принципу «если тебя ударили по левой щеке, то... обернись и выбей обидчику зубы». Таких много вокруг нас, вот только не всем им везет или не везет, это уж как кому, выпасть из привычной реальности и попасть в позднее Средневековье. И ладно бы на родной Земле, так нет же, занесло вообще неизвестно куда, да еще и в чужое тело. Теперь он скоморох. Но по нраву ли ему кочевая жизнь? Пожалуй что и нет, хочется дома и уюта. Зря он так. Ох зря...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1271-6

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

— Не выстоять нам, воевода.

— С чего так-то?

— Коли только крепость держать, устояли бы и против большего супостата, а вот выполнить приказ и не допустить перекрытия торгового тракта... Не осилим.

— Не дело говоришь, Боян. Тут думать нужно, как волю великого князя исполнить, а ты ищешь причину, чтоб от долга уклониться.

Воевода откинулся на бревенчатую стену горницы и устремил на своего заместителя вопрошающий и вместе с тем ироничный взгляд, поигрывая клинком боевого ножа. Именно боевого, иначе и не скажешь. Длиной почти в локоть, на треть обоюдоострый с незначительным изгибом. В глаза бросался коленчатый узор булата. Обычная, без изысков, рукоять оплетена кожей, чтобы рука уверенно держала оружие. Кожа уже изрядно потерта от частого использования. Нет, не для красоты предназначен этот клинок, с таким хоть на медведя, хоть на ворога.

Весь облик воеводы говорил о том, что он хороший боец. Этим по большому счету и объяснялось его нахождение в приграничной крепости. Правда, была тут еще одна закавыка. Крепость занимала важное стратегическое и экономическое положение: она стояла не просто на границе, а на большом торговом тракте, который проходил стрелой через несколько государств и являлся

чуть ли не основным сухопутным торговым путем. Так что талантов военачальника для управления ею было недостаточно. Торговые пошлины составляли немалую часть дохода казны. Поставь сюда кого поглупее или от жадности не ведающего пределов, он тут такого наворотит, что все приказы разом не разберут. Но, как видно, нынешний воевода толк в подобных делах знал, иначе не отправил бы его сюда князь, человек далеко не глупый. В отличие от своего покойного батюшки, великий князь брячиславский воинскую стезю не больно-то жаловал, все более склоняясь к развитию ремесел да торговли, оттого, наверное, его войска и были биты под Ладой. Так что коли поставил сюда окольников своего, значит, был уверен: этот справится.

Воевода был всего на пару годков моложе великого князя, на вид ему не больше тридцати пяти. Судя по всему, карьера у него пойдет в гору, если с благодетелем какая беда не приключится или сам чего не учудит. Одет он просто, по-военному. Сверху — чуга, особый кафтан, более всего подходящий для воинского сословия: короткие рукава, просторный подол с боков имеет разрезы, что удобно для верховой езды. На поясе сабля в простых ножнах; гарда без вычурности, с истертой рукояткой. Сбоку на столе примостилась мурмолка — головной убор в форме колпака, опять же простецкая, отвороты из той же материи, что и сам колпак, разве что с вышивкой. Все из дорогого сукна и стоит ой как недешево, вот только воевода мог бы и побогаче обрядиться, чай, не на поле брани.

Боян был одет во фряжский кафтан с зауженными от локтя к запястью рукавами, богато отделанный золотой и серебряной вышивкой и с разрезами по бокам, как у воеводы. На колене покоилась мурмолка, отороченная чернобуркой. На поясе в изукрашенных ножнах сабелька, гарда с камнями, без сомнений, клинок был хорошего качества. Весь вид молодого двадцатилетнего парня говорил о том, что роду он не худого, а потому всякую

всячину себе на пояс цеплять не станет. С другого боку крепился дорогой кинжал, как видно, иноземной работы: больно узок, лезвие прямое, сужающееся к концу, да и коротковат.

При последних словах старшего товарища — очевидно, что, несмотря на разницу в возрасте, они были дружны, — а также начальника парень вскинулся и, уперев правую руку в колено, от чего выпрямился так, словно кол проглотил, бросил на воеводу возмущенный взгляд:

— Ты о чем это, воевода? Нешто труса во мне узрел?!

— Остынь, Боян. Кого угодно готов в тебе увидеть, но не труса. Нет в тебе страху, и в большей степени, уж не взыщи, — по младости лет.

— Зачем ты так-то, Градимир? — Вот уж имечко, никак не подходящее облику воеводы. Какой уж тут «хранящий мир». Хотя как там иноземные мудрецы говорили: «Хочешь мира, готовься к войне». Если так, то да, имя в самый раз. — Ведь не я к тебе в горницу рвался, сам позвал.

— Прости, дружище. Но ведь я тебя для чего позвал? Совета спросить. А ты вещаешь о том, чего мы не можем или могли бы, если бы... А нам не «если». Нам сейчас нужно думать, как быть. Великого князя в битве потеснили, полки в большом расстройстве отходят, преследуемые гульдами, скорее всего, до самой Кукши не остановятся. Где это, говорить не надо? Коли ворог оседлает тракт, помрет торговля, а оттого убытки приключатся.

— Можно подумать, толк от нее великий, коли война случилась.

— Не бухти. Толк есть, и ты о том ведаешь, чай, не одни гульды в мире обретаются, многие хотят торговлю с нами вести. Вот только коли Карла засядет на дороге, то ходу купцам к нам не станет. Иноземных торгашей он не тронет, ему со всеми ругаться не след, но и к нам не пустит. А наших мало того что как липку оберет, так еще и в полон утащит. А великому князю сейчас каждая копейка дорога, потому как новую армию собирать нужно.

— Так сколько княжеств на тот тракт нанизано, как бус на нитку. А ну как они взъядутся на гульдов?

— Пустое. С Гульдией воевать — себе дороже. Опять же из-за одной торговлишки не станут они в свару лезть, тем паче что торговцы могут пойти по Северному тракту — дольше, но лучше так, чем убытки терпеть. Было уж и опять повторится.

— А если торговый люд пойдет через Гульдию, стало быть, гульдам и тут прибыток.

— В корень зришь.

— Так отчего же Миролоуб не направил нам подмогу?

— И так стрелецкий полк прислал, откуда ему больше-то взять? Сейчас ему дай бог удержать то, что имеет, да суметь остановить гульдов у Кукши.

— Все одно у нас только две тысячи стрельцов да сотня посадской конницы. А гульды идут двумя полками, да при каждом — по роте драгун, в круговую три с лишком тысячи выходит. В открытое поле лучше и не соваться.

Иноземные полки в своем составе имели в среднем до полутора тысяч солдат, по десять рот; у славен стрелецкие полки не превышали тысячи стрельцов, по десять сотен. Так что даже когда грудь в грудь выходили два полка, перевес был на стороне противника. Плюс к этому солдаты иностранных держав были наемниками — людьми, по большей части семьей и иными заботами не обремененными. Чего не сказать о стрельцах, у которых имелись и семья и подворье. Пополнение полков шло из своих же семей, а какой родитель отправит кровинушку на убой? Потому и обучают они сыновей крепко, не жалеючи. Вот только новое у славен приживается плохо, никак не получается враз отринуть то, что досталось от отцов и дедов. Семейный человек, защищая свой дом, бьется без оглядки, а как подале отойдет, так совсем иной расклад выходит — назад оглянется и о семье подумает: как они будут без кормильца.

— Про две тысячи это ты верно заметил. А вот еще вспомни о том, что наши полки — из бывалых бойцов...

Да если успеть снарядить ополчение, это уже сколько получится?

— С ополчением против гульдов? Воевода...

— Да знаю я, что у них на сегодня самая обученная армия, да только и у великого князя нет иного выхода. За стенами мы выстоим, им еще раз пять по столько нужно, чтобы нас раскатать. Но нам-то требуется известить эти полки или восвояси отправить.

— Дак они и к стенам подступать не станут, если им нужно просто тракт перегородить. Встанут лагерем против нас, делов-то.

— Это так, — тяжело вздохнул воевода. Вот только показалось или он и впрямь бросил на парня лукавый взгляд? — Не нужно им этого. Путь преградить — и то ладушки. А как простоят недельку, то тут уж нам нужно будет силу великую собирать, чтобы разбить их.

— Это точно, лагерь за это время они укрепят основательно. Прости, воевода, но не вижу я, как можно волю Миролюба выполнить.

— А исполнить надо, ибо недвусмысленна она. В грамоте ясно сказано: беречь тракт.

— Дак грамота-то была писана еще до сражения. Сколько людей мог тогда отослать от себя Карл? А сейчас дело совсем иное.

— Опять ты ищешь не как волю государя выполнить, а как уклониться от выполнения.

— Прости, воевода, но не знаю я как. Вот прикажешь — хоть сам, в одиночку, пойду супротив полков гульдских, а выхода все одно не вижу.

— Вызывал, воевода?

При звуке этого голоса молодой заместитель Градимира непроизвольно скривился: судя по всему, ни видеть, ни слышать вошедшего в горницу он не хотел, но вынужден был мириться с его присутствием. Впрочем, внешность прибывшего никак нельзя было назвать располагающей.

Высокий, широкий в плечах, с ладной, крепкой фи-

гурой, статный красавец... Точнее, был бы красавцем, если бы эти крутые плечи не венчала голова с сильно изуродованным лицом. Через всю его левую часть сверху донизу, теряясь в ухоженной бороде, проходил кривой бугрящийся шрам. Очевидно, след сабельного удара или тесака приличного, да вот никто в свое время рану не обиходил и швов не наложил. От того удара слегка пострадал и глаз, вернее, не сам глаз, а веко, которое тоже было порезано, а затем срослось как бог положил. Однако на том дело не закончилось. Правая сторона лица хранила след сильного ожога. По щеке, вверх к виску, немного захватив ухо и часть головы, покрытой волосом, сейчас был только уродливый след от бывшей раны. Оттого и борода у него была как бы обрублена справа, не рос волос на месте ожога. Взгляд вошедшего, как и внешность, благообразностью не отличался: он был суров или даже свиреп, как у зверя, загнанного в угол. Вообще весь облик мужчины говорил о том, что он в любую секунду готов броситься на любого и рвать, пока есть силы, а силашка в этом теле имелась.

Былые раны оставили уродливый след на лице, но никак не изувечили тело, скрытое простым, без рисунка, серым кафтаном. Даже петли для пуговиц были из обычной серой тесьмы, а пуговицы — сплошь деревянные. Обычное одеяние простолюдина, вот только из хорошего сукна, и фасон какой-то необычный, кургузый, больше похож на иноземный, но отличается и от них. Штаны славенские, сапоги из крепкой кожи, но тоже без изысков, просто добротная обувь.

Подпоясан крепким воинским поясом, на котором висят ножны с клинком, больше напоминающим палаши иноземцев, но несколько покороче и со слегка изогнутым лезвием, как у сабли. С другого бока — боевой нож, очень похожий на тот, что был у воеводы, в поясных кобурах — два пистоля, по виду необычные. Конечно, сколь много мастеров-оружейников, столь многообразно и оружие, потому как каждый хочет выделиться,

но эти были точно необычными. Вошедший вообще отличался многим, и все его оружие было от лучших иноземных оружейников. Дорогое оружие, очень дорогое, но он готов был выложить за него любые средства, а деньги добывать он умел.

— Проходи, Добролюб.

При этих словах воеводы Боян невольно ухмыльнулся, а и было чему: имя это означало «добрый и любящий», чему никак не соответствовал образ вошедшего. Имя свирепого зверя ему подошло бы куда лучше, впрочем, оно у него было, но он не любил, когда его произносили вслух. То имя, или, если хотите, прозвище, дали ему враги, а их у него хватало.

— Я так понимаю, некогда разговоры разговаривать да расслаживаться. Говори, чего звал.

Кто-нибудь другой уже давно пожалел бы о таком поведении, вот только не этот мужчина. Дело не в том, что он был уверен, что ему ничего не будет, нет, скорее ему было наплевать на все в этом мире и чувствовал он себя здесь только гостем, ждущим, когда его призовут. Одним словом, немила была ему жизнь.

— Вот сидим и думу думаем, как нам те полки остановить, да ничего на ум не идет, — не стал чиниться воевода. Человека этого он знал не первый день, а потому и цену ему составил уже давно.

— А чего их останавливать, пусть подходят да в осаду садятся. Чтобы им Обережную взять, нужно целую армию подвести, а ведь и против великого князя войско нужно. К тому же Забаву в осаду взяли, там не менее двух полков, чай, силы-то у гульдов не бездонные.

— Нельзя допустить, чтобы проход по тракту прерывался.

— Да-а-а, князь у нас нынче рачительный, не то что батюшка его. Тот все норовил всех окрест за грудки потаскать, а этот о мошне в первую руку печется.

— Ты как смеешь, о великом князе... Холоп...

— Ты, боярич, полегче, холопить свою челядь да ка-

бальных будешь, а я в холопах отродясь не хаживал, — метнув свирепый взгляд на Бояна, оборвал Добролюб. — И не сверли меня взором, на мне уж места не осталось, весь в дырках от таких гляделок.

— Остынь, Добролюб.

— А я и не закипал, воевода, ты эвон боярича остуди.

— Хватит. — Сказано это было жестко: вроде и голос не повысил, а сталь так и зазвенела. В ответ на это Добролюб ухмыльнулся и, качнув головой, устремил взор в пол. Вот только ухмылка та была пострашнее оскала звериного. — Заговариваться иной раз начинаешь. Знаю, что жизнь свою не ценишь, но ить и помереть можно по-разному.

— Хм. Убивать-то сразу станешь или сначала послужить потребно? — Лукавство все же проскользнуло на уродливом лице. Многие умерло в душе этого человека, но, зная, не все, и искра от когда-то доброго и любящего сердца все еще тлела, вот только была она настолько слаба, что пламя от нее заниматься никак не хотело.

— Желательно бы послужить, — внимательно глядя в глаза подчиненному, медленно кивнул Градимир.

— Тогда слушаю тебя, воевода, — слегка разведя руки, снова ухмыльнулся Добролюб.

— Как мыслишь, сможем мы остановить ворога в чистом поле?

Ага, как же, «чистое поле». Леса кругом, считай, дремучие, пойти можно только по дорогам, да вдоль реки есть относительно свободный путь, но именно им-то и воспользуются гульды. Не сказать что там теснина серьезная, засеками проход никак не перегородишь, чтобы малыми силами сдерживать большие. Да, по лесам полки вести — сущее наказание, а как про обоз вспомнишь, так и вовсе плакать хочется. Но то в походе, а как в бою, так солдат налегке вполне преодолет и лесную чащу, и болотце да ударит во фланг или тыл. Так что выражение это, конечно, фигуральное, но только все одно верное, чистое поле и есть.

— А это смотря как останавливать, воевода.

— Стало быть, честью придется поступиться, — вскинулся молодой.

Добролюб окинул его задумчивым взглядом и тяжело вздохнул.

— Вот придумали же — ЧЕСТЬ. Кто на ее счет больше всех печется, как не иноземцы. Все-то мы на западников пялимся, как же — просвещенные народы с развитыми ремеслами и непревзойденными науками, а славены — мышка серая да быдло неученое. Иноземцы нас жизни поучают на каждом шагу, а мы им в рот заглядываем. Нас грязными славенами называют, а мы киваем, как кони на выпасе. А ведь это они проживают, как свиньи, не мы. Это ведь у них нет отхожих мест, и гадят они где придется, без стыда сбрасывая порты или задирая подолы. Это в их изукрашенных дворцах, замках да усадьбах невозможно в жару находиться, ибо зловонит так, что глаза режет. Это они ходят завшивевшими и почитают это благостью, а бани так и вовсе не знают. Но нет, мы заглядываем им в рот и ждем, когда они нас научат жить. Честь. А достойно чести возносить человека на костер, не разбирая, мужик то, баба, старик или дите неразумное? Враги они нам. Всегда врагами были и будут, потому как мы им только как холопы нужны, как скотина бессловесная. А врага как ни бей, все к добру.

Вот тебе и свирепый зверь. Как видно, образование у этого воина было неплохим, потому что как иначе объяснить его речи? Довелось ему и повидать многое, и со многими пообщаться. Станный и непонятный человек. А не боярского ли роду? Может, потому ему и благоволит воевода да столько позволяет? Градимир ведь и сам отнюдь не худороден.

— Это не ответ на вопрос, — покачал головой воевода.

— Хорошо уже то, что великий князь прислал в крепость полк стрелецкий, двумя полками все легче будет.

Не гляди на меня так, воевода, сравняем мы число, а то и большего добьемся, но на то воля Отца нашего.

— И как ты этого собираешься добиться?

— Ни к чему тебе это знать, воевода. Знай только, что есть средство. Да не журишь, то мой грех. Потому и не сказываю тебе ничего, что не нужно тебе знать. Выйдешь честь по чести в чисто поле, а что там стряслось или стряsetся, тебе пока без надобности.

— А воинской хитростью никак не обойтись? — Мысль о том, что бить врага придется бесчестным путем, Бояну пришлось не по сердцу.

Не нравилась она и враз нахмурившемуся Градимиру. Он знал цену словам Добролюба. Если судить по виду воеводы, предложение для него было неприемлемо, но и отринуть задуманное подчиненным он не мог.

— По воинским премудростям у нас воевода мастак. Значит, коли он меня призвал, то не видит, как можно это дело иначе обделать.

— Десяток свой возьмешь? — спросил Градимир.

— Дак куда же я без него.

— Действуй, с рассветом мы выступаем. — Это сказано было так, словно воевода принял трудное для себя решение.

— Только так, воевода. Если дойдешь до Уютного и не получишь от меня вести, разворачивай обратно и стереги крепость, потому как тогда у нас ничего не вышло и головы мы свои сложили.

— Добро.

Когда дверь за Добролюбом закрылась, Боян, не сводя с нее задумчивого взгляда, обратился к воеводе, явно мучаясь одолевающими его мыслями. Вот не первый день он знает обоих: Градимира — уж несколько лет, этого зверя — более полугода, но никак не может понять, что их связывает и отчего воевода так много позволяет этому странному человеку.

— Градимир...

— Опять тебе Добролюб покоя не дает? И чего ты его

не любишь, ить ничегошеньки плохого он тебе не сделал!

— Он служит в нашей крепости, а стало быть, его действия, честь порочащие, на нас ложатся грузом.

— В войне чести мало, тут он прав.

— Воевать можно по-разному, можно и так, чтобы честь не уронить, а он не гнушается ничем, а уж что касемо гильдов... Вепрь он и есть Вепрь.

— А за что ему гильдов любить? Ты видел его. Это их работа. Сами они на свою голову зверя в нем пробудили, да такого, что как только замирение выходит, он начинает маяться и метаться из угла в угол. И еще, Боян. Вепрем его вороги называют, ты не смей. Возлюбить его я тебя заставить не могу, но чтобы имя это звериное я больше не слышал из уст твоих. Понял ли?

— Понял, воевода.

— Вот и ладушки. Готовь людей, с рассветом выступаем.

Крепость Обережная была названа так, потому что охраняла единственную переправу через большую реку Турань на сотни верст вверх и вниз по течению. Вот так вот незамысловато. В плане она была прямоугольной, большая стороной вдоль тракта — сто сажений, меньшая — восемьдесят. Крепость каменная, что у славен встретишь не особо часто. Но ее поставили сравнительно недавно, а потому она была рассчитана на противостояние огнестрельному оружию: стены и башни вполне могли выстоять длительное время против пушечного огня.

Устройство у нее простое и немудреное. Внутри размещались казармы, обитателям которых сейчас пришлось потесниться в связи с прибывшим подкреплением. В гарнизон входила также и сотня посадской конницы: необходимо было вести патрулирование торгового тракта. Места окружены густым лесом, так что разным татам есть где укрыться и попотрошить проезжих купцов. Помимо казармы имелась и просторная конюшня,

где содержались не только боевые кони сотни, но и другие, используемые в качестве тягловой силы. Имелся пушечный двор вместе с крепостной кузней, а также арсенал: две трети боевых припасов хранились именно в нем, треть же была разнесена по башням. Башни, все квадратного сечения, расположены по углам стен, две из них — на северной и южной стенах — одновременно являются надвратными. Южные ворота выходят к торговому тракту, северные — на дорогу вдоль Турани, вверх по течению. Есть церковь, острог, караульное помещение, подворье, на котором находится сотничья казарма, где квартируют командиры сотен, неподалеку от нее — подворье воеводы, а рядом — его помощника.

Крепость имела на своем вооружении десяток пушек, установленных на лафетах, способствующих их относительно быстрому перемещению в ту или иную сторону. Правда, для перевозки на дальние расстояния пушки с лафетов снимались, разбирались сами лафеты, все это хозяйство грузилось на подводы и таким вот образом транспортировалось к месту полевого сражения, где опять должно было собираться и превращаться в грозное орудие. Одним словом, сплошная морока, а если не будет целого дня, чтобы все это привести в божеский вид, то артиллерию в поход взяли зря. При всей своей неповоротливости пушкари проходили по отдельному приказу и имели жалованье вдвое выше против стрелцкого.

Имелся посредине крепости и плац — новшество, перенятое от иноземцев. На том плацу проводились смотры войск, а также учения, чтобы воевода мог воочию наблюдать за тем, как протекает боевая подготовка.

Гарнизон был сменным. А чего вы хотите, коли стрельцы, чай, и семьи имеют, и подворья свои в Брячиславле, где есть целая стрелецкая слобода? Здесь они только служат. Вот отстоят годик, а потом на год домой, если война не случится, а войны проклятущие часто случаются, в особенности с гульдами. Больно они брячиславцев

не любят, однако сколько не воюют, а земли пока в прежних пределах.

От неумных соседей на берегу Турани, напротив земель Гульдии, были возведены три крепости, к ним-то и вела дорога вдоль реки. Лада, Забава и Мила — словно в издевку над супостатом, крепостям дали женские имена, а может, причина была в ином, давно это случилось. Крепости те деревянные, против огнестрельного оружия укреплены слабо, но поставить что-то более основательное пока никак не выходило, как всегда, недоставало средств. Вроде князь и бережливый, и дела ведет с прибытком, да вот только задумал он новшества в княжестве ввести, а под это никаких денег не хватает.

Выйдя на свет божий, Добролюб глянул на солнышко, которое, несмотря на весеннее время, припекало уже совсем по-летнему. Птицы поют, земля силой наливаясь, вобрав в себя брошенное зерно, плодовые деревья расцвели пышным цветом, обещая обильный урожай, вокруг жужжат пчелы, почуявшие тепло и тут же устремившиеся собирать цвет. Здешний мед ценится, вокруг заливные луга, полные разнотравья, с весны до осени покрытые разными соцветиями, липовая роща да возделываемая местными греча.

Все посадские в крепость съезжаются, повсюду подводы со скарбом селян. Люди забирают самое ценное, но все равно изрядно получается. В посаде останутся только староста да несколько человек. Дома и постройки обкладывают все еще душистым прошлогодним сеном: если появится враг, враз подпалят и полыхнет посад разом. Вообще здешние места богаты лесом, и противник, коли подберется, в любом случае не будет испытывать трудностей с материалом, однако постройки можно использовать не только для нужд осады, но и как укрытие.

— Эвон вишь — Вепрь, — вдруг донесся до Добролюба мальчишеский голос, полный страха и восхищения.

— Бреешь, — не веря и все же желая, чтобы это оказалось правдой, высказал сомнение другой голосок.

— Собака брешет. Говорю тебе — Вепрь и есть. Ишь, страхолуд какой, ворог его как увидит, тут же обделается, а он его — раз и об колено.

— Я думал, он поболе.

— Да куда боле-то! И без того вон какой здоровый.

Вообще-то особой статью Добролюб не отличался. Да, был крепок. Высок. Но ничего особенного, хотя сила в теле такая, что многие диву даются. Не обидел Бог силушкой, чего уж там. Когда Добролюб слышал из уст окружающих ненавистное прозвище, данное гульдами, он обычно злился. Тому, кто осмеливался назвать его так, доставалось на орехи. Но на кого сейчас прикажете злиться, на ребяташек? Так они не в злобе это говорят, да и смотрят на него как на героя, не меньше. Правда, обидно такое услышать: «Ишь, страхолуд какой».

А ведь было время, когда это страшное лицо было пригожим настолько, что девки глаз не сводили, томно вздыхая. Было, да прошло. Гульды ту красоту попортили, да и бог с ней, дело-то не в этом, в конце концов, он мужик, для него красота не главное. Не за то он лютовал на гульдов. Смерть семьи своей никак простить не мог. Жену да дочку-малютку заживо сожгли, а жену перед тем еще и попользовали. Сам он бился, сколько мог, троих срубил, да только и ему досталось. Посчитали мертвым. Пришел в себя, а подворья то и нет... Из забвения его вывело горящее бревно раскатившегося сруба, которое и обожгло лицо. Как выжил, и сам не понял, но когда оклемался, то хотел одного — крови.

Добролюб бросил последний взгляд на мальчишек, ухмыльнулся. Вот ведь не хотел пугать, а мальцы с тихим вскриком разбежались, только пятки засверкали. Да уж, его улыбки сейчас волк испугается и хвост подожмет, что о детях-то говорить. Мысленно махнув на них рукой, он пошел дальше, все больше мрачняя от того, что люди старались податься в стороны, дабы не оказаться у него

на пути. Вроде и попривык уже, но иной раз накатывало. Вот и сейчас как оглоблей огрели, даже дыхание сперло.

Его подчиненные, как и ожидалось, находились на подворье. Даже сотники жили в сотницкой казарме, а вот у них — отдельное подворье. По здравом размышлении воевода решил поселить эту братию обособленно. С одной стороны, отборные бойцы, снаряжения своего видимо-невидимо, как и имущества. С другой — таких лучше держать в сторонке. Одного взгляда на эти разбойничьи рожи было достаточно, чтобы понять: добра от них не жди. Даже воевода для них не был авторитетом, лишь один человек мог отдавать им команды. Хотя они и считались людьми служилыми, командира своего никак не желали называть десятником — только атаманом и величали.

Во дворе его встретила старушка Любава. Знатная травница и лекарка, к ней люд со всей округи стекается, а она никому и не отказывает. Воевода хотел было возмутиться по поводу присутствия женщины среди военного люда, да потом махнул на все рукой. Вообще многое спускалось Добролюбу. Отчего Любава привязалась к этому человеку, никому не было понятно, но она определенно всегда старалась держаться к нему поближе. Может, оттого, что таким знахаркам время от времени достается от разъяренной толпы, когда ум за разум заходит, а в голове одна каша и хочется всю вину за свои горести свалить на чьи-либо плечи. Для такого дела знахарь подходит как нельзя лучше. Потом и пожалеют, и повинятся, а назад уже ничего не вернуть. А коли рядом с лекаркой приключится такой вот удалец... Нет, злобу лучше выместить на ком-нибудь другом.

— Чего, добрый молодец, голову повесил?

— Скажешь тоже — «добрый».

— Добрый-добрый, чай, родичи знали, когда имечко-то давали. А то, что до крови сейчас охочий, дак исцеление твое близко. Скоро совсем появится человек, ко-

торый жизнь твою перевернет и заставит по-иному на все взглянуть.

— Бабка Любава, ты бросай предрекать-то, — горько усмехнулся Добролюб. — Лекарка да травница ты знатная, на всем свете такой не сыщешь, а вот в будущее ты лучше не зри. Не твое это. Что до доброты, так тебе ведь неведомы мысли мои, а они совсем не добры.

— Дак на ворога идти, откуда тут добру-то быть.

— Бабушка, а есть у тебя травка...

— У меня всякой травки в избытке, и та, что отправить в мир иной может, тоже имеется, потому как если с умом применять, то и она на пользу. Но то не про твою честь, — ничуть не напуганная нахмуренными бровями собеседника, выговорила старушка.

— Бабушка, ты бы сначала выслушала, а потом в крик бросалась.

— Ну говори.

— Нужно колодец потравить в Тихом.

— А я что говорила! — тут же подбоченилась старуха, устремляя на Добролюба победный взгляд и являя собой воплощение неподатливости.

— То, что за смертоубийством к тебе лучше не соваться, я ведаю, потому и прошу тебя не о том, чтобы потравить гульдов насмерть, а о том, чтобы они животами маялись дня два.

— А пока они маяются, из них вояки никакие... Ох и баламут!

— Как начнут животами маяться, так их командир пусть и принимает решение. Примет решение отступить — значит, все целы останутся, а пойдут дальше, понадеявшись на свой численный перевес, — ждет их беда, потому как хворый воин и не воин вовсе. Тогда воевода их легко согнет. Но вины твоей в том не будет, грех на их начальнике повиснет, ибо выбор у него имеется.

— Хитро. А ведь не по чести воинской.

— Ой, бабушка, и ты туда же.

— Ладно, чего уж там. Правда, придется известить чуть

ли не половину всех запасов трав, намешаю такую бурду, что пронесет основательно. В Тихом два колодца... стало быть, два бурдюка готовить надо, а через пару дней и опасности никакой не останется. До полуночи-то время дашь?

— Можно подумать, у меня есть выбор.

Во двор вошла женщина с сильно округлившимся животом.

— Здравствуйте, бабушка Любава, — слегка поклонилась она.

— Чего тебе, Мила? — окидывая недобрый взглядом пришедшую, спросила старуха.

— Так на сносях я. Вот, думаю, как бы не того.

— Иди, Мила, не до тебя сейчас. Если ничего не приключится, то два дня у тебя еще есть.

Недоброе отношение к женщине, да еще и к той, которой вот-вот рожать, могло показаться по крайней мере странным, но ничего странного в поведении лекарки не было. Она-то чай тоже баба, а как порядочная женщина может относиться к гулящей? Срок придет, бабушка поможет, но только ее отношение к этой женщине не изменится. Конечно, гулящая гулящей рознь. Есть такая, что плоть свою тешит, но за дите любого ударит. А есть такая, которая до последней возможности о своей усладе думает, пока срок не приходит, а тогда мертвым младенцем разрешается. Гнать бы такую из села, да и без нее никак нельзя. Мужикам-то нет-нет — пар спустить нужно. И женки их о том знают, но виду не подают, будто ослепли и оглохли. А ведь в селе все на виду, да и в городах народу не больно-то много: среди четверых обязательно два знакомца найдутся.

Дверь просторной избы распахнулась, и на крыльцо вышел парнишка лет шестнадцати. Ладный должен был получиться мужик, да вот несчастье приключилось с ним пару лет назад, привалило в бурю деревом. Бабка Любава выходила, но паренька перекосило, так что ни за соху встать, ни другим мужским делом заняться. Не же-

лая быть нахлебником в родительском доме до конца своих дней, паренек прибился к ватаге Добролюба. Ватажники поначалу ворчали по поводу прихоти атамана, с воеводой и вовсе отдельно беседовать пришлось, но Добролюб начальство смог убедить, а бойцы и сами угомонились, когда вдруг выяснилось, что они и обстираны, и снедь готова, и в доме прибрано. Нашел себя парень, хоть и тяжело ему.

— Тихоня, скажи парням, чтобы спать ложились, а потом бабушке Любаве помоги.

— Знать, доброе дело будет, господин десятник? — Лишь он один из всей ватаги десятником его и величает.

— Доброе, я на другие и не способен, — хохотнув и вновь одарив свет своей неподражаемой улыбкой, или оскалом, произнес Добролюб, известный окрест под именем Вепрь.

Глава 1 ТАКСИСТ

— Молодой человек, вы свободны? — пригнувшись к открытому окну «семерки», спросила девушка.

— Да, пожалуйста.

Девушка удовлетворенно кивнула, распахнула дверцу и с обворожительной грацией села на переднее пассажирское сиденье. Вот вроде и не флиртует, ей просто нужно такси, чтобы проехать из пункта «А» в пункт «Б», но есть среди представительниц второй половины человечества такие: какое бы движение ни сделали — все представители первой половины немедленно встают на дыбы. Хотя насчет первой и второй трудно утверждать что-либо определенное: большинство женщин утверждают, что они — первая. С другой стороны, как ни крути, половина — она и есть половина и целым никогда не станет. Это к тому, что выяснение отношений — процесс вековой, но друг без дружки никак нельзя обойтись.

— Извините, а в машине курят?

— Простите, девушка, но нет.

— Жаль.

— Надо было поинтересоваться сразу, там ведь и другие машины были, сели бы в ту, в которой курят.

— Не суть. Главное — доехать. Но хорошо, что у вас не курят. Я сама курю, но в прокуренном помещении или машине находиться не люблю.

Вот как хочешь, так и понимай. То ей жаль, а то очень

хорошо. Но с девушками все же попроще, чем с мужчинами. Претендуют они на главную роль или нет, а в бутылку не полезут, хамство не их конек, они всегда стараются обойти острые углы, мол, на нет и суда нет. Благодаря своей податливой натуре рулят они мужиками как хотят, при этом считая, что весь мир вокруг них вертится. А мужик что? Ему главное, чтобы бензопила не заработала, он и потерпеть готов, и капризам потакать, лишь бы любимая улыбалась. Умная женщина это понимает и четко чувствует грань, за которой в мужике зверь проснется, а дура... Дура она и есть дура, гнет до последнего, пока вдруг ее не «осенит», с каким чудовищем она живет. А мужик-то при чем? Он терпел сколько мог. Нет, не все так безоблачно, мужики разные бывают, но это скорее не правило, а исключение.

В России с мужиками сейчас проблема — обмельчали. Взять, к примеру, кавказцев. Встанут друг напротив друга — и давай мериться, кто больше поднимет, кто дальше прыгнет, кто кого поборет. А славяне, в смысле россияне, они тоже очень даже помериться любят: кто больше выпьет. Вот ведь показатель! Выпил литр — красавец, настоящий мужик, выпил пол-литра — слабак. И ведь гибнет нация, но люди, словно слепые, идут к пропасти. Были бы лидеры, так нет их. Заняв картинную позу перед камерой, многие могут часами рассуждать о том, что необходимо сделать, вот только делать никто не будет.

Но не всем плевать на происходящее. Есть энтузиасты, которые хватаются за ребят и стараются научить их быть просто людьми. Виктор знал одного такого. Это был сослуживец по армии, не сказать что друг, но и не посторонний, война сближает. Если попытаешься остаться полностью посторонним, просто не выживешь. Рассуждать можно по-разному, вот политики и рассуждают, а парням, попавшим в переplet, не до рассуждений: не за Родину они воюют и не за интересы страны, а друг за друга. Оказавшись в пекле, ты будешь драться не

за кого-то далекого и незнакомого, а за товарища, что сейчас рядом, и он будет биться за тебя, иначе обоим не выжить. Вот таким энтузиастом, не безразличным к судьбам наших мальчишек, и был Андрей. В последние месяцы он и Виктора стал привлекать к этому делу, благо график у таксиста свободный.

Собрал Андрей ребят в возрасте от десяти до восемнадцати лет и организовал детско-юношеский военно-спортивный клуб: без всяких разрешений, без документального оформления, чистой воды партизанщина. Все свое время изводит на ребят. Когда с работой полная запарка — просто беда: он к ребятам рвется, а работа не пускает. Родители мальчишек платят, но это сущие копейки, которых едва хватает, чтобы хоть какое-то снаряжение купить. Живет Андрей в частном доме, под склад выделил сарай, а занятия проводит на свежем воздухе и в дождь, и в слякоть, и в метель. Удивительно, но ни один из учеников еще ни разу не заболел. Андрей вздохнул с облегчением, когда неожиданно Виктор Волков предложил ему свою помощь. Вот и стало их двое дикарей. Правда, Виктор не так фанатично подходил к этому вопросу, но учить ребят ему нравилось: и имеющиеся навыки поддерживаются, и дальше помаленьку развиваются.

Есть те, кому не плевать, вот только мало их. Да и невозможно самостоятельно эту задачу потянуть, что там двое — капля в море. Вот если это будет политикой государства и станет финансироваться из федерального бюджета, тогда совсем другое дело. Ведь все родители хотят, чтобы их чада занимались спортом или еще чем-нибудь, мечтают оградить их от тлетворного влияния улицы, а вернее, от безделья, но далеко не всем это по карману, не все могут достать и отдать на сторону тысячу рублей ежемесячно. А если детей двое или трое? Вот то-то и оно. Но молодежь занимать нужно. Как говорил ротный старшина: «Все беды солдата — от дурных мыс-

лей, а мысли те — от безделья. Поэтому, сынки, вот вам лопаты — и копайте отсюда и до обеда».

— Остановите, пожалуйста, возле рынка.

— Хорошо.

— Вы меня подождете? Я только фрукты куплю.

— Я вас умоляю. Сколько нужно, столько и ходите, только встать тут негде, я во-о-он там встану, чуть дальше.

— Я вас найду, не переживайте.

— А я и не переживаю.

Виктор и впрямь не переживал. За пару лет работы в такси он успел поднатореть в выявлении благонадежности пассажиров, так что кидалу разгадывал на раз. Бывали осечки, не без того, но нечасто. Если возникали сомнения, он всегда брал предоплату, но эта девушка сомнений не вызывала.

Рынок — такое место, где сроду нормально не припаркуешься, если только за пару кварталов. Но какой пассажир захочет тащиться пешком такое расстояние, да и вообще никто не захочет, потому-то здесь вечное столпотворение, только после четырех вечера народ немного рассасывается. Ага, вот тут можно приткнуться, места совсем немного, но вполне достаточно. Слегка перекроет въезд во двор дома, но это не беда, ведь он останется в машине, так что при необходимости подвинется.

Спокойно припарковаться не получилось, так как в свободном промежутке встали две бабушки и, не замечая ничего вокруг, принялись трещать как пулеметы. Ну что ты будешь делать! Виктор включил поворотник, дал перегазовку. Нет, не замечают. Посигналил. Одна вроде посмотрела в его сторону, он через лобовое стекло показывает, мол, мне туда надо. Поняла, взяла под локоток подружку, и они посторонились. Виктор быстро притер машину на свободное место и тут же вооружился книгой. А что прикажете делать, если подолгу приходится ждать пассажира? Большинство таксистов не тяготи-

лись ожиданием и могли сидеть в салоне хоть два часа кряду, но у Виктора терпения не хватало, да и любил он почитать.

— Это ты тут сигналишь?

Виктор бросил непонимающий взгляд в сторону мужчины. Тот, пригнувшись, заглядывал в салон через окно пассажирской двери. Был у Виктора недостаток: если читал, то увлекался настолько, что невольно выпадал из реальности.

— Что, простите?

— Я говорю — ты тут рассигналился?

Мужик явно заведен, впрочем, оно и понятно: жить возле рынка — то еще удовольствие. Постоянно забитая машинами улица, звуки работающих двигателей, сигналы, крики... У кого настроение будет в порядке?

— Я просто попросил бабушек подвинуться, чтобы припарковаться.

— А какого сигналишь? Не мог выйти и по-людски попросить?

— Мужик, ты болеешь? Как ты себе это представляешь? Я выйду посреди дороги, а на остальных водителей плевать?

Виктор уже начинал заводиться. Он не любил хамства и сам не любил хамить людям, а уж тем более незнакомым. Интересно, а если бы он на «мерсе» навороченном припарковался, а не на «семерке», да еще и с таксистской шашкой, этот пень также вышел бы права качать?

— А бабушки тебе мешают, значит?

— Так, все. Вали давай.

— Нет это ты вали. Загородил проезд. Сейчас сюда машина с грузом приедет.

— Приедет — отъеду. — Виктор попытался снова уткнуться в книгу, да не тут-то было.

— А ну отъезжай, кому говорю! Тварь таксистская!

Нет, понятно, что допек мужика рынок, но зачем так себя вести? Виктор и сам не понял, как оказался перед

жильцом, кипевшим праведным гневом. Ничего так, крепкий, хотя и на полголовы ниже. Волков четко чувствовал, что тот ему на один зуб, ну, может, на два. Парню всего-то двадцать семь, а сопернику — никак не меньше сорока. Хоть он и крепок, но уступит и по силе.

— Слушай, мужик, ты за языком-то следи. Не ровен час, беда приключится.

— А ты ударь. Ударь, чего стоишь?!

Ага, ударь такого. Рынок ведь, тут несколько нарядов ментов постоянно дежурят. Даже если не спеленают сразу, то вот она машина, а на ней номера, долго искать не придется. Ну почему этому уроду нейдет? Подумаешь, посигналил, ведь не матом же обложил. Волков точно тут ни при чем, просто достали мужика. Хорошо, ну а он-то что же, мальчик для битья?

— Можно и ударить, да только нет охоты разбираться с ментами.

— А ты не с ментами будешь разбираться. Сейчас свистну, и двое моих сыновей выйдут, так накостыляют, что рад не будешь.

— А давай, — вдруг воодушевился Виктор.

— Что «давай»? — опешил мужик.

— Свисти, падла. Тебя бить как-то зазорно, а твоим охламонам настучать — самое то. Чего замер? Свисти, говорю. А раз нет, тогда вали от греха подальше.

— Ты, тварь, не указывай мне, что делать! Отъезжай, кому говорю! — вновь оседлал свою лошадку недовольный житель.

Вот так вот. Уверился, стало быть, что никто его трогать не будет. Сыны там не сыны, но с ментами этот таксист явно связываться не будет. А он и не связывался бы. Вот если бы этот тип чуть сбавил обороты, ей-ей не связывался бы, а так... Хрясь! Мужик только пятками сверкнул. Но крепок. С ног свалился, головой мотает, но в отключку не ушел.

— Ну ты как? Живой?

— Ой, а что это у вас тут?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Таксист	23
<i>Глава 2.</i> Налево пойдешь...	37
<i>Глава 3.</i> Смолины	70
<i>Глава 4.</i> В Звонграде	102
<i>Глава 5.</i> Постоялый двор	148
<i>Глава 6.</i> Наймит	168
<i>Глава 7.</i> Домашний очаг	224
<i>Глава 8.</i> Сломанная клетка	264